Спрашиваем — отвечает

Николай КАРАЧЕНЦОВ:

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ», № 42 (1030), 15 октября 1982 г.

«КАЖДЫЙ ДЕНЬ — ПРЕМЬЕРА»

Рабочий день заслуженного артиста РСФСР Николая Караченцова заполнен до предела: с утра репетиции, запись на радио, съемки; вечером — очередной спектакль. Но вот выдалось «окно», и мы встретились с актером в театре.

— Первый вопрос — традиционный: как вы пришли в театр? Случайным ли был выбор профессии?

— Я не могу сказать, что с детства готовил себя к актерской деятельности. Мама моя балетмейстер, и это, видимо, не могло не отразиться на моих интересах, но никто специально не толкал меня на актерскую стезю, как, впрочем, и не говорил такого: «Не дай бог тебе быть актером, уж лучше...» Учась в десятом классе, занимался в самодеятельных театральных студиях, но опять-таки не с дальним прицелом, а из любопытства. Там мне стали советовать поступать на актерский факультет, и я решил попробовать. Думаю, если не возьмут, то буду поступать в «нормальный» институт, благо там вступительные экзамены позже. И уже в процессе учебы понял, что это — мое, я отсюда — никуда... В 1967 году закончил Школу-студию МХАТ имени Вл. Немировича-Данченко и попал по распределению в Театр имени Ленинского комсомола. Большой радостью для меня стала в первый театральный сезон работа с Софьей Владимировной Гиацинтовой (я играл с нею в спектакле «Дым отечества»), одно присутствие на сцене которой было уроком для меня, уроком не только актерского мастерства, но и глубочайшей культуры...

— За четырнадцать лет работы в Театре имени Ленинского комсомола вы сыграли больше сорока ролей. Среди них — Шурка Басаргин из «Дыма отечества», Солдат из спектакля «Прощай, оружие!», Семен Карабанов из «Колонистов», Лаэрт в «Гамлете», Тиль в одноименном спектакле... Видимо, сейчас уже можно сказать, что распределение, по которому вы попали в этот театр, стало для вас счастливым?

— Безусловно! Разумеется, было не без сложностей, молодому актеру всегда непросто самоопределиться. И сейчас, когда позади годы работы, понимаю, что какие-то мои склонности, задатки, особенности мои как актера счастливо совпали с общим направлением работы театра, и театр этот сформировал, сделал меня актером. Словом, это — М О Й театр.

Сегодняшний зритель умен, образован, он все читает, все умеет оценить. И я должен убедить его: то, что происходит на сцене,— правда моей, его, нашей жизни. Актеры часто любят играть громкий скандал, и все это умеют, а ведь в жизни многие трагедии происходят тихо.

Наш театр старается найти что-то новое в области внешней выразительности спектакля. К примеру, в «Автограде» музыка была аккомпанементом спектакля, в «Тиле» это необходимый компонент, в «Звезде и смерти Хоакина Мурьеты» она впервые стала его существом. И вот новая работа — рок-опера «Юнона» и «Авось» по мотивам поэмы А. Вознесенского. Это шаг вперед от «Звезды...», спектакля, который я бы назвал прямым предшественником «Юноны» и «Авось». К новому спектаклю театр пришел более обогащенным, более подготовленным. Он потребовал от актеров мобилизации всех наших сил, всех наших умений», вокальных и пластических.

На мой взгляд, труд театра воплотился в интересную работу. Алексей Рыбников (наше сотрудничество счастливо началось со «Звезды...») написал прекрасную музыку, в которой многоголосое звучание хоров соединяется с современными ритмами. В пластическое решение спектакля внес мощную струю своим талантом Владимир Васильев. Полноправным соавтором новой работы театра может считаться и Олег Шейнцис, молодой одаренный художник, — то, что он сделал, прекрасно выражает мысль спектакля.

Все это я говорю к тому, что хочу подчеркнуть: я считаю, спектакль такого рода сегодня мог состояться только в нашем театре в большой степени именно потому, что, как уже говорилось выше, содержание и форма его диктуются законами музыкальной драматургии...

— Которые, в свою очередь, требуют от актера особой пластичности, музыкальной выразительности...

— Да, и потому молодые актеры нашего театра несколько раз в неделю занимаются вокалом, движением, танцем. Это необходимо. Я допускаю совпадение драматургического материала и определенных качеств актера, но ведь это бывает редко... Я стараюсь, чтобы Михаил Земцов из «Жестоких игр» ходил иначе, чем Тиль, а Николай Петрович Резанов должен иметь свою, ни на чью другую не похожую пластику. Каждая новая роль — белый лист бумаги. Призываешь на помощь весь свой опыт, всю свою интуицию, и все равно каждая премьера — новый ответственный экзамен.

В «Юноне» и «Авось» мне впервые довелось столкнуться с исторической фигурой, фигурой малоизвестной, но, несомненно, незаурядной фигурой, которая двигала прогресс. Граф Николай Петрович Резанов — императорский посол, один из учредителей Российско-Американской компании, необычайного кругозора человек, входивший в число близких знакомцев Державина. Это очень русский характер с его отвагой, неудержимостью, неистовостью и... очень трезвой головой. Только такой человек мог наудачу, «на авось» отправиться в первую русскую кругосветную экспедицию. Такая вдохновенная отдача всему, что пленило его душу, любви, например... Хотя мы живем чуть ли не два столетия спустя после Резанова, чувства его, человеческие устремления для нас абсолютно современны. Это мне было очень важно в нем, хотелось бы, чтобы и зритель это почувствовал. Моя задача — несмотря на условность формы, построить свою роль по законам мхатовской школы, которую я закончил. Резанов в нашем спектакле говорит: «Авантюра не удалась, но за попытку — спасибо». Перефразируя его, скажу: насколько удалась мне эта роль — судить зрителю, но в любом случае — спасибо актерской моей судьбе за встречу с удивительным этим человеком...

— Театр — это каждодневная встреча со зрителем, причем каждый раз с новым, ведь, как правило, люди редко ходят на один и тот же спектакль по нескольку раз. То есть для зрителя любой спектакль — это премьера, следовательно, актер должен играть свою роль как в день премьеры, хотя не так давно, например, отзвучали овации четырехсотому «Тилю»...

— Да, но не только потому, что зритель разный. Ведь даже для одного и того же зрителя актер каждый раз, выходя на сцену, должен находить какую-то новую окраску, новый жест, отражающий внутреннее движение. Словом, каждый день — премьера... Иначе исчезнет искусство и останется ремесло. Актер должен каждый раз заново завоевывать зрителя, он не может жить вчерашним багажом. Того же Тиля я до сих пор «делаю», потому что это роль такая, которую можно всю жизнь ждать. В «Тиле» есть все, от трагедии до буффонады, и каждый раз сыграть всего «Тиля» так, как я хочу, я еще не могу...

Мы все ответственны за то, что произойдет со зрителем после спектакля; может, после него он не сразу пойдет домой, будет бродить по улицам, а наутро совершит небывалый, удивительный для него поступок — подарит жене цветок, быть может, впервые... Но это эмоциональное потрясение свершится только в том случае, если сам актер будет наполнен внутренне. То есть он должен иметь свою гражданскую позицию, должен всегда нести со сцены свои человеческие, нравственные принципы, свои мысли, свою боль. Удается это лишь тогда, когда актер в совершенстве владеет своей профессией.

— Театр, как известно, начинается с драматургии, то есть с литературы. На афише вашего театра — имена Шарля де Костера, Чехова, Неруды, Симонова... Очевидно, профессия актера диктует вам как читателю особенное отношение к литературе?

— Безусловно, подсознательно прикидываешь, как литература предстанет на сцене, как слово должно отозваться, чтобы зритель испытал те же чувства, которые испытываю я при чтении, скажем, Шукшина или Маркеса. Но, как и у обыкновенного читателя, чтение мое часто бессистемно, вкусы со временем меняются. Когда-то совершенно неожиданно для себя открыл Дмитрия Кедрина, а сейчас читаю его же — и отношусь к ранее узнанным стихам уже сдержаннее... Так и с некоторыми другими писателями и книгами. Но есть постоянные величины — Пушкин, Шекспир... Причем если «просто читатель» может, допустим, обойтись одним «Гамлетом» или «Отелло», то читатель-актер, играющий Лаэрта, не имеет на это права. Мои читательские интересы связаны и с моей работой на радио — там я читал Льва Толстого, Гейне, вагантов...

— Снимали вас в кино и на телевидении много: «Сентиментальный роман», «Собака на сене», «Ярославна, королева Франции», «Короли и капуста», «Благочестивая Марта», «Дамы приглашают кавалеров», «Товарищ Иннокентий», «Приключения Электроника»... Это далеко не полный перечень. Однако главным для себя, точкой отсчета вы называете телефильм «Старший сын». Чем это объяснить?

— Прежде всего тем, что встретился с драматургией Вампилова. Не надо, думаю, говорить о том, что он для всех нас значит. Какие мысли, чувства и в то же время огромная область для актерских интерпретаций! Роль Владимира Бусыгина важна для меня тем, что я понял: могу работать по-иному. До этой роли я был больше известен как актер «шумный», актер, который бегает, прыгает, поет на сцене, а Бусыгин — роль глубоко психологическая. Необходимо было показать ту внутреннюю перестройку, которая происходит в моем герое. Встреча с Сарафановым помогает ему понять, что жизнь шире, чем те мелкие соображения, которыми он руководствовался до сих пор. Сарафанова играл Евгений Павлович Леонов, который был будоражащим и организующим центром картины. Он был для нас педагогом — наставлял личным своим примером. Скажем, кусочки своей роли, роли партнеров он проигрывал вариантах в десяти. Делал это ярко, заразительно, смешно. И в то же время мы понимали — идет отбор, он ищет вариант единственный. Леонов — это бесконечная трата себя. Этому мы все научились у него.

Николай КАРАЧЕНЦОВ. Фото **В. БОГДАНОВА**

...Увы, интервью не в силах вместить всего актера, его мыслей, чувств по поводу спектаклей и фильмов, работ своих коллег, к которым он относится с уважением и любовью. Творческая индивидуальность Николая Караченцова, его отношение к работе привлекают многих наших режиссеров, так что в предложениях нет недостатка. Актерские интересы Караченцова связаны и с «закадровой» работой — дубляжем и озвучиванием мультфильмов, к которой он относится ответственно. Как, впрочем, и ко всему, за что берется...

Беседу вела Ирина БАКАНОВА